

ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВ МИРА/LITERATURE OF THE PEOPLES OF THE WORLD

DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.70.26>

БИБЛЕЙСКИЙ СЮЖЕТ В ТВОРЧЕСТВЕ АНРИ БАРБЮСА (1873–1935)

Научная статья

Минасян С.В.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-5169-2161;¹ Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, Москва, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (suffi[at]mail.ru)

Аннотация

Французский писатель Анри Барбюс получает всемирную известность после выхода антивоенного романа «Огонь» (1916). Начиная с 1919 г., он избирает путь ангажированного писателя и очень скоро становится влиятельной личностью среди сторонников левого движения. Он верит, что писатель с помощью слова способен вести за собой массы и изменить мир к лучшему. Он ратует за создание новой социалистической литературы. Период 1926–1927 гг., пожалуй, является самым спорным в его творчестве. В этот момент Барбюс пишет трилогию на религиозный сюжет, в которой нарекает Иисуса первым атеистом, революционером и коммунистом.

Целью исследования является анализ трилогии Барбюса об Иисусе, прослеживание причины, побудившей автора на ее создание, реакции критики и общественности, а также возможные интерпретации произведений. Методология работы определяется традицией историко-литературного исследования: творчество писателя рассматривается в контексте исторической и политической эпохи, также используется биографический и историко-функциональный метод в контексте французской литературной и философской традиции. Поскольку речь идет о вечном сюжете, завершает анализ мифопоэтический подход. Показано, что трилогия вплетается в традицию мировой литературы.

Ключевые слова: Анри Барбюс, Иисус, религиозный сюжет, СССР, мифопоэтика.

BIBLICAL PLOT IN THE WORKS OF HENRI BARBUSSE (1873–1935)

Research article

Minasian S.V.^{1,*}¹ ORCID : 0000-0002-5169-2161;¹ Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

* Corresponding author (suffi[at]mail.ru)

Abstract

French writer Henri Barbusse gained worldwide fame after the publication of the anti-war novel "Under Fire: The Story of a Squad" (1916). Since 1919, he became a committed writer and very soon an influential figure of the left movement. He believed that a writer could motivate people and so on, change the world for the better. He dreamed the creation of a new socialist literature. The period 1926–1927 was perhaps the most controversial in his work. At this time, Barbusse wrote a trilogy on a religious theme, in which he called Jesus the first atheist, revolutionary and communist.

The purpose of the research is to study Barbusse's trilogy about Jesus, to look for the reason that inspired the author to create it, to follow the reactions of critics and the public and to interpretate. The methodology follows the tradition of historical and literary research: the writer's work is considered in the context of the historical and political period. Important elements are the biographical method, the cultural and historical method and the context of the French literary and philosophical tradition. The mythopoetic approach completes the analysis. It is shown that the trilogy follows the tradition of world literature.

Keywords: Henri Barbusse, Jesus, religious plot, USSR, mythopoeia.

Введение

Анри Барбюс (Henri Barbusse, 1873–1935) — писатель, широко известный благодаря роману «Огонь», участник Первой мировой войны, пацифист и борец за новый миропорядок, где интеллектуалы и рабочие идут рука об руку, коммунист и поборник СССР. Это, прежде всего, писатель, идеолог новой литературы, и только потом — политический деятель. Его творчество, прошедшее через декаданс, натурализм, реализм, экспериментальный театр, новые формы, приходит к искусству романтического социализма, литературы идей, где история, философия и политика синтезируются и становятся неотъемлемой составляющей художественного произведения.

Барбюс становится на сторону революционных идеалов, начиная с 1919 г., публикуя манифесты, создав группу «Кларте» («Clarté») и одноименный роман. С 1927 г. он регулярно приезжает с визитами в СССР, где его всякий раз встречают как почетного гостя. К тому же периоду 1926–1927 гг. относится создание им неоднозначной трилогии на религиозный сюжет: пьеса «Иисус против Бога» с подзаголовком «Мистерия с музыкой и кинофильмом», «Иисус», написанный в форме евангелие, и критическое исследование «Иуды Иисуса». В своем триптихе Барбюс нарекает Иисуса первым атеистом, революционером и коммунистом, стремясь не мистифицировать марксизм, а демистифицировать религию.

Он убежден, что ангажированный писатель может и должен изменить мир к лучшему. Сюжет, заявляемый в трилогии, как и его переосмысление, не могут исчерпываться однозначной оценкой и нуждаются в разностороннем анализе, где важными элементами являются особенности становления самого писателя, историко-политический контекст, литературная и культурная традиции. Неожиданный, на взгляд общественности, ничем не продиктованный

выбор непростой и непопулярной среди сторонников левого движения темы по сей день рождает вопросы и подталкивает исследователей и литературоведов к различным интерпретациям.

Методы и принципы исследования

Методология работы определяется традицией историко-литературного исследования: творчество писателя данного периода рассматривается в контексте исторической и политической эпохи, а также французской литературной традиции, в частности, литературы эпохи Просвещения. Выявлено, что сюжет, заявляемый Барбюсом в трилогии, как и его переосмысление, не могут исчерпываться однозначной оценкой и нуждаются в разностороннем анализе, где важными элементами являются биографический метод, а именно особенности становления самого писателя, его протестантские взгляды вкупе с культурно-историческим методом, когда речь заходит о взаимоотношениях писателя с советской властью, с французскими социалистами и коммунистами. Также использован историко-функциональный метод в контексте французской литературной и философской традиции. Поскольку речь идет о вечном сюжете, завершает анализ мифопоэтический подход.

Основные результаты

Чтобы понять смысл и предназначение трех столь разных по форме, но связанных единой идеей произведений, следует начать с рассмотрения их содержания.

В конце 1926 – начале 1927 гг. Барбюс пишет пьесу **«Иисус против Бога»** (**«Jésus contre Dieu»**), которая не была ни поставлена на сцене, ни полностью издана при жизни писателя. Барбюс хотел, чтобы пьеса вышла в Москве в переводе Анатолия Луначарского и постановке Всеволода Мейерхольда, которого заинтересовала современная мистерия, но ее не пропустила советская цензура.

Барбюс имел четкое видение постановки пьесы, задумав ее с эпичным размахом. В некотором смысле, его идеи предвосхищали развитие театрального искусства. Он хотел задействовать все возможности современной ему сцены: кинематограф, установив на сцене экран; музыку, постоянно звучащую фоном («Интернационал», «Дубинушка» и др.); контрастные декорации, а также использовать все пространство сцены, горизонтальное и вертикальное, пластический театр, театр марионеток, довершая постановку классическим диалогом. Он вводит в спектакль персонажей из камня, дерева, картона. Что касается видеоряда, то его главным вдохновителем становится Эйзенштейн. Персонажи с экрана смотрят прямо на зрителей, используется замедленная съемка и техника обратной перемотки. Само действие представляет собой постоянное чередование, переходя со сцены на экран и обратно. Новаторство театрального представления со стороны Барбюса органично вплеталось в реформационные эксперименты Мейерхольда с его установками на конструктивизм с использованием вместо декораций механических конструкций, отказом от психологического театра в пользу превалирования гротеска [18]. Возможно, их совместное творчество: осуществление замысла писателя, подкрепленное участием одного из главных революционеров театрального действия, — определило бы новое слово в искусстве. Однако причины отказа постановки имели другую природу. Эти причины будут высказаны Луначарским, о чем будет упомянуто далее.

Пьеса состоит из шести актов. В первом акте «Голос земли» действие происходит в палестинской деревне времен Иисуса. На сцене — Иисус, палач Шамайя и другие персонажи. На экране — современная Барбюсу индуистская деревня, колонизированная англичанами. Иисус приветствует бедных. Смешение времен, документальных кадров и вымысла служат автору, чтобы приравнять прошлое и настоящее, подчеркнуть вечную вневременную несправедливость. Второй акт разворачивается у входа в храм, где толпа разгневана отказом Иисуса совершить чудо, принести себя в жертву. Тем временем на экране теме жертвы вторят кадры затравленного козла отпущения, ребенка и солдат Первой мировой войны, которые сами роют себе могилы. Когда же на сцене Иисус оборачивает гнев толпы против угнетателей, воины подавляют зарождающийся бунт. Иисус, угрожающий авторитету власти, попадает в заключение. В третьем акте «От креста к гробу» Иисус в последний раз призывает народ к восстанию. Палач сбегает, не решившись ни убить, ни спасти Иисуса. На экране сцена экзекуции коммунистов. Два ученика приходят снять с креста еще живого Иисуса.

Действие четвертого акта разворачивается 20 лет спустя. Иисус забыт всеми, кроме палача. Люди вспоминают о каком-то проповеднике Иисусе, но не до конца уверены, что он когда-то существовал. Появляются реформаторы, которые хотят создать новую всеобщую религию о воскресшем божь-спасителе, построив ее на загробной жизни. Чтобы привлечь народ на сторону своей религии, они решают использовать образ того самого распятого проповедника Иисуса, у которого было немало последователей в прошлом. Они воскресают забытого проповедника Иисуса, нарекают его Христом, называют Мессию богочеловеком, который вознесся на небо.

Проходит еще пять лет, и в пятом акте постаревший Шамайя идет к дому, где укрывался Иисус в ожидании Мессии. Шамайя не успевает сказать ему, что самого Иисуса назначили Мессией без его ведома и нарекли воскресшим богочеловеком Христом. В этот момент в дом врывается толпа фанатичных христиан, которая силой пытается заставить Иисуса уверовать Христа. Когда Иисус отвечает отказом, толпа убивает его. Шамайя открывает людям, кого они убили, но те быстро утешаются, посчитав, что живой Иисус помешал бы новой вере.

Шестой акт — это эпилог, где перед зрителем предстают два пути развития истории: старый строй и социализм. Одна дорога широкая и полна людей, а на второй нет ни души. Постепенно люди сменяют путь и примыкают к ученикам, несущим тело Иисуса, и к революционерам, несущим тела расстрелянных. В конце одного пути для писателя скрывается мир беспорядка, угнетения, построенный на религии, символах, идолах. Но неповиновение пробуждает революционный дух, борьба расшатывает устои старого мира, принося на смену беспорядку гармонию.

Таким образом, очевидно, что Барбюс стоит на позиции отрицания реального существования Христа. В январе 1927 г. выходит книга **«Иисус»** (**«Jésus»**), написанная в форме евангелие с нумерацией строф. 34 главы посвящены жизненному и духовному пути Иисуса. Повествование ведется от первого лица. Сначала читатель знакомится с маленьким Иисусом, который любит своих родителей, познает мир и самого себя. После смерти отца, а затем любимой

им женщины, он переосмысливает любовь. Она не отягощена желанием и лишена эгоизма. Любовь, направленная к человеку, помогает ему разглядеть несчастье бедных, угнетаемых богатыми. Вместе с тем, он знает о своем долге и о своей роли в этой истории. Он знает, что он один понесет ношу за всех тех, кто не способен ее вынести.

Барбюс особым образом интерпретирует чудеса, которые совершает Иисус. Когда Иисус говорит: «Встань и иди», — он лишь придает человеку смелость и уверенность в шаге, который тот мог бы совершить самостоятельно. Иисуса Барбюса огорчает, что людям проще поверить в кудесника, чем в собственные силы. Он говорит: «78. — И Революция не сойдет с неба на землю, а поднимется с земли на небо!» [2, С. 67]. Для Барбюса небо пусто, а Бог живет в каждом человеке. Иисус лишь несет слово, но действие остается за бедными и угнетенными. Только борьбой можно изменить установленный порядок, иначе люди погрязнут в грехе подчинения. Добрая весть, которую несет Иисус Барбюса, гласит, что все в руках человеческих. Поэтому он говорит: «119. — Сперва совершите революцию в своих головах» [2, С. 208]. Писатель, сочиняя строфы для своей книги, добавляет и прямые цитаты из Библии, предлагая читателю пореволюционному осмыслить известные заповеди, такие как: «Блаженны алчущие и жаждущие правды, ибо они насытятся» (Мф. 5:3-11) [20].

Иисус знает, что, если он прямо скажет людям правду об их способности влиять на ход истории, они не поймут его. Поэтому он идет на мистификации и избегает прямолинейности, дабы заронить в сердца людей жажду справедливости, которая не позволит им смиренно следовать установленному порядку после его ухода. Однако он знает, что смысл его жертвы будет искажен, ведь после его ухода Петр воплотит в жизнь свою идею мессианской религии, которая соблазнит людей обещанием «исцеления от смерти»: «Они наденут на меня королевское облачение и дадут мне скипетр. / Они наденут на меня корону, которая будет причинять мне боль. / Они склонятся передо мной. / И они будут меня унижать» [2, С. 237].

В июле того же года Барбюс публикует новое произведение, вновь вдохновленное религией, **«Иуды Иисуса» («Les Judas de Jésus»)**. Автор продолжает исследовать историю человечества, подводя сюжет под уже заранее определенные им выводы. По мнению Барбюса, основой христианской религии стало слияние иудейского монотеизма и греческих мифов о смерти и возрождении богов, от которых происходит идея пришествия Мессии. Согласно писателю, речь идет не о сыне Божьем, а о пророке, распятом проповеднике.

«Внутренний Бог, проповедуемый Иисусом, — это обожествление человека, и ничто не говорит о том, что за этим стоит нечто большее» [5, С. 128]. Жизнь Иисуса не отличается от жизни простых людей: ручной труд, страдание, бедность. Он один из общей массы, а его принципы, такие как любовь, милосердие, солидарность и взаимопомощь, дают возможность каждому приблизиться к божественному. В этом для писателя состоит гуманистическая ценность христианства. Иисус выступает против богатства, за равенство, свободу и призрение бедных. Для Иисуса, согласно Барбюсу, действие исходит изнутри, а не извне: от внутреннего к внешнему, от человека к человеку, — а знание становится божественным актом.

Поступательно и уверенно развивая идею, сохраняя прочную и стройную логику, Барбюс подводит читателя к провокационному выводу: он видит в Иисусе атеиста, рационалиста, коммуниста и даже революционера, который хочет свергнуть установленный порядок, чтобы помочь страждущим, который выдержит любые испытания и не склонит голову перед властями. Для автора религия, построенная на заповедях Иисуса, — это ложная догма, она первая предаст его учение, в то время как католическая церковь продает мессию властям: «Вот уже 15 веков она распинает Иисуса» [5, С. 218]. Идея эта не нова для писателя. Впервые Барбюс заявляет об атеизме Иисуса в августе 1926 г. в статье для «Юманитэ» («L'Humanité», «Человечество») с провокационным названием «Иисус-марксист» [4]. Уже в октябре выходит новая статья «По поводу Иисуса-марксиста» [1], где автор нарекает Иисуса идеальным революционным проповедником.

На протяжении всей истории Барбюс обнаруживает в основе человеческих отношений неравенство, власть богатых, элитаризм, эксплуатацию бедных, обогащение горстки избранных, империализм, фальшивые концепты свободы, равенства и демократии. Современный ему мир ничем не отличается от Древнего Рима. Однако писатель находит способ прийти к революционному заключению, заявляя, что тогдашние первые последователи Иисуса — это не сегодняшние прихожане церкви, а современные ему социалисты. Именно социалисты, согласно автору, это новые апостолы XX века и продолжатели учения Иисуса.

Обсуждение

Общественность того времени обескуражена трижды провозглашенной автором провокационной трактовкой Библии. Католическая пресса отвечает молчанием. Сторонники левой идеологии судят жестко, не столько обращая внимание на содержание, сколько воспринимая в штыки неприемлемый для них сюжет. Газета «Кларте» («Clarté»), которая к 1927 г. становится троцкистской, обрушивается на Барбюса с критикой, обвиняя его в том, что он оспаривает Иисуса у буржуазии вместо того, чтобы бороться за светлое будущее на стороне пролетариата. Статьи Барбюса воспринимаются как антимарксистские высказывания. Ему вменяется в вину то, что, используя образ Иисуса, он мистифицирует революционную идею. Критика не замечает, что писатель преследует обратный замысел: демистифицировать религию. «В апреле-июне 1927 г. главный редактор журнала «Кларте» Пьер Навиль публикует три большие статьи под общим заголовком «Почему мы боремся с “Иисусом”», в которых громит книгу Барбюса «Иисус» (1927), особо отметив в сноске, что перевод ее запрещен в СССР» [21, С. 10-11].

Следует отдельно остановиться на судьбе трилогии в СССР. Барбюс кажется уверенным в том, что все три произведения будут переведены на русский язык. Однако после некоторых колебаний произведение «Иисус» решено не публиковать, пьесу «Иисус против Бога» — не ставить на сцене, несмотря на заинтересовавшие Мейерхольда находки. Советская коммунистическая партия и Интернационал отворачиваются от литературы Барбюса, посвященной религиозному вопросу. В 1933 г. А.В. Луначарский объясняет, что принять эту литературу было невозможно уже только потому, что Иисус никогда не существовал [16]. Однако Барбюс упорствует в том, чтобы произведения были изданы. В итоге в 1928 г. советская цензура пропускает книгу «Иуды Иисуса» под названием «Иисус против Христа»

[12]. Книга получает не только отрицательные рецензии, но и определенный резонанс. А.Ф. Строев напоминает, что Михаил Булгаков, приступивший к работе над романом «Мастер и Маргарита» в 1928 г., «использовал книгу Барбюса при написании библейских глав, а полемику вокруг нее об историчности Иисуса — в первой главе романа, в беседе Берлиоза с Бездомным» [21, С. 32].

Обращаясь к цензуре СССР, Барбюс объяснял, что его произведения, написанные по методам позитивистской науки, являются не религиозными, а антирелигиозными, направленными против идеализации христианства. Он стремится исследовать вопрос с позиции всемирной истории, а не истории религии. В письме от 25 ноября 1927 г. Барбюс пишет Луначарскому: «Разумеется, я не стал бы тратить столько усилий, посвящая три произведения одной теме, если бы тут, на мой взгляд, не было социальной причины и пропагандистской цели. Эта пропаганда, повторяю, методически направлена против христианства и католицизма, это мощная и систематическая атака против самой идеи Бога» (цит. по [21, С. 24]). Три текста писателя настаивают на том, что Иисус и Христос — это не один и тот же человек, более того, Христос, согласно Барбюсу, никогда не существовал. А.В. Луначарский в своем критическом выступлении идет дальше, заявляя: «Барбюс на основании всех материалов говорит, что подлинной истории жизни Иисуса нет и нет никакой возможности ее построить» [19]. В статье к 60-летию со дня рождения Барбюса Луначарский продолжает свою мысль, как будто бы упрекая писателя в идеализации созданного им образа Иисуса, «который не так несчастен тем, что его казнили, как тем, что его ученики из его проповеди приготовили для нежно любимого им народа дурманный яд» [16].

Возможно ли, что Луначарский угадал некоторое лукавство со стороны Барбюса? Был ли писатель до конца искренен, утверждая, что выступает против идеи Бога и религии? Обращаясь к сюжету трилогии, важно помнить, что Барбюс не был католиком, но происходил из протестантской семьи, и протестантизм сыграл важную роль в его личном и идеологическом становлении наряду с левыми взглядами его отца и увлеченностью философией Канта, верой в победу разума над хаосом [11]. Фигура мессии оказывается одной из основополагающих в творчестве Барбюса. Протестантизм помогает ему смотреть вглубь религии, он осознает и признает необходимость «избранной» фигуры для народа, необходимость веры в некую идею. Тем понятнее его отрицание церкви, а не мессии, и желание «перетянуть» Иисуса, уже избранного массами, на революционную сторону. Жереми Камю объясняет, что писатель стремится исследовать евангелие с позиции диалектического материализма, перепрочесть, исключив абстрактный духовный контекст, придав ему конкретики, отграничив реальную историческую фигуру от «фальсификации» четырех евангелие, направленных не на правду, а на укрепление новой религии [9].

В Европе, а точнее во Франции, на сторону Барбюса встает «Юманитэ». 8 февраля 1927 г. выходит статья самого Барбюса «Последняя книга Барбюса “Иисус”, пророк из Галилеи» [3], где не лишено логики заявление, что книга обращена к религиозному рабочему классу, чтобы привлечь его на сторону революционной веры. На следующий день Леон Базальжетт публикует статью «Иисус и жизнь», где говорит, что Барбюс представляет Иисуса «нашим товарищем» [8].

Если узкий круг сторонников писателя принимает трилогию, то она отталкивает его целевую аудиторию. Барбюс берет на себя сложную, «миссионерскую» задачу — взять образ, чуждый левой атеистической идеологии, перевести этот образ на сторону левых, да еще и без их особого желания.

Непонимание массовой публики отчасти вызвано и поверхностным восприятием творчества писателя, которое постоянно пытаются подогнать под коммунистическую идею. С течением времени, эта пропасть между реальным и видимым увеличивается. При детальном рассмотрении становится очевидным, что трилогия об Иисусе продолжает мысли, ранее звучавшие в творчестве Барбюса. Уже в первом романе «Умоляющие» («Les Suppliants», 1903) главный герой Максимилиан ощущает свое сходство с Христом и надеется однажды найти способ избавить человечество от страданий, а фигура писателя ассоциируется с пророком. В романах «Огонь» («Le Feu», 1916) и «Ясность» («Clarté», 1919) автор и его персонажи не перестают задаваться духовными вопросами, говорить о Боге. В них уже заложена та самая концепция сакрального и используются библейские аллюзии. Так, в «Огне» вода, которая затапливает траншеи, словно Всемирный потоп, несет с собой не только страдание, но идею очищения мира [10]. В «Ясности» же главный герой, находясь в бреду в госпитале, и вовсе проживает явление сына божьего: «Я видел Иисуса Христа на берегу озера. Он шел тропинкой, как обыкновенный человек. Вокруг его головы не было нимба <...> Я видел — человек света и простоты поник головой, и мне послышался голос, говоривший: “Я не заслужил зла, которое они мне причинили”» [13, С. 90]. Революционное откровение не отдаляет, а приближает персонажей Барбюса к божественному.

В 1916–1917 гг., до того, как Барбюс стал политически ангажированным писателем левой идеологии, он считал, что революция должна пройти мирным и естественным путем. Уже в тот период он берет на себя роль своеобразного мессии, призывая в своих статьях солдат, рабочих, писателей объединиться и изменить мир, оторваться от прошлого и жить во имя общего блага, единства народов, предлагая им «всеобщую республику», где патриотизм и интернационализм выступают заодно. Барбюс говорит о новом типе писателя, искусство и талант которого не должны быть оторваны от народа, должны служить обществу. С данной точки зрения, трилогия об Иисусе вписывается в риторiku писателя. Не случайно, в письме Луначарскому от 2 февраля 1929 г. Барбюс говорит, что в его пьесе «Иисус против Бога» у главного героя с церковным Иисусом общее только имя, которое он готов поменять, если того требует цензура (цит. по [21, С. 30]). Этот повторяющийся герой присутствует в творчестве писателя под разными именами. Некоторые исследователи находят его образ и в книге «Сталин. Человек, через которого раскрывается новый мир» («Staline: un monde nouveau vu à travers un homme», 1936), где Барбюс открыто говорит о культе вождя как о положительном, необходимом явлении [9], [21]. Религиозный сюжет, в некотором смысле, красная нить творчества Барбюса, которая, рождаясь из мысли, что страдание приближает человека к Богу («Умоляющие»), с течением времени отказывается от необходимости страдания в пользу личной ответственности общества за свое счастье и мир.

Писатель пытается обогатить и расширить восприятие коммунистической идеи, усилить сферы его влияния и открыть новые возможности. 17 апреля 1927 г. в «Юманитэ» выходит новая статья «Мистицизм?», где писатель

говорит о существовании не только религиозного, но и атеистического мистицизма, воплощающего «страстную любовь, которую проявляют по отношению к идее или к причине, возбуждение, которое ведет к цели, то есть чувственный импульс какого-либо убеждения» [7].

В то же время неожиданные для современников идеи Барбюса на поверку оказываются не новыми для европейской культуры. Религиозный коммунизм восходит к домарксистской традиции социализма во Франции. Наряду с немецкой классической философией и английской политической экономией В.И. Ленин называл французский утопический социализм одним из источников возникновения марксизма [15]. Для мыслителей-реформаторов XIX в. Анри Сен-Симона, Пьера Леру, Шарля Фурье, Пьера-Жозефа Прудона зло представляет не религия, а церковь. Они говорят о реформе религии, в которой Иисус станет защитником народа.

Так, Ш. Фурье (1772–1837) утверждал, что божественный порядок достижим путем социальных преобразований. А. Сен-Симон (1760–1825) — основатель школы утопического социализма — считал, что религия и остается необходимой человечеству, и должна развиваться вслед за мировым прогрессом. Той же точки зрения придерживался и П. Леру (1797–1871). Философская система Сен-Симона — это «новое христианство», необходимое на пути к достижению всеобщего благоденствия: «Важнейший моральный принцип христианства (все люди — братья) не мог реализоваться в эпоху рабства и феодализма, так как светская власть основывала свое могущество на праве сильнейшего. Прогресс цивилизации подготовил европейские народы к полному усвоению христианской морали» [22, С. 235–236]. Религиозная реформа для Сен-Симона предполагала заботу об улучшении жизни бедного класса мирным путем и главенство нравственных законов над культом. За то, что государство перестанет быть средством угнетения людей, ратовал и Леру.

В 1844 г. К. Маркс говорит, что «Религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества. Религия — это вздох угнетённой твари, сердце бессердечного мира, подобно тому, как она — дух бездушных порядков». Его фразу о том, что «Религия есть опиум народа» [17] сложно понять однозначно. Это и акцент на ее успокаивающем, примиряющем воздействии на человека в невыносимых условиях, и, одновременно, признание ее константы в современном ему мироустройстве.

Сам Барбюс, говоря о своих вдохновителях из прошлого, ссылается на историка религии Эрнеста Ренана (1823–1892) [6], которому была близка философия позитивизма и который считал, что наука способна разрешить все проблемы человека и, со временем, заменит собой религию. В книге «Жизнь Иисуса» (1863) он пытается представить Иисуса как проповедника, наделенного особым даром, но не сверхъестественными возможностями.

В статье «Освоение Иисуса» Барбюс сам говорит, что стремится толковать образ Христа с рациональной точки зрения и перемещает христианское толкование в научную область вслед за современниками: экзегетом Альфредом Луази (1857–1940), считавшим Библию результатом исторического развития, а не минутного откровения, П.-Л. Кушу (1879–1959), усомнившимся в существовании Иисуса как исторической фигуры, Луи Ружье (1889–1982), выступившим против нео-схоластики, Шарлем Гинебером (1867–1939), обозначившим религию предметом изучения философов, а любое евангелие — пропагандой и пр. [6]. То есть Барбюс был далеко не одинок в своих рассуждениях на религиозный сюжет, но, облакая его в художественную форму, без сомнения, мог иметь большую мировую аудиторию.

Вместе с этим можно предположить, что в своей трилогии Барбюс предлагает сторонникам нового миропорядка не отрешиваться от религии, не отрекаться от прошлого, а пойти более гибким путем: сделать их своими союзниками, осознать весь потенциал религии в руках простых людей, отдать ее бедным и угнетаемым, побороть страх мистицизма. С данной точки зрения творения писателя на религиозную тему являются контекстуально более насыщенными, нежели литературные произведения. Речь здесь идет уже о возрождении литературы идей эпохи Просвещения, где стираются границы между художественным, философским и публицистическим жанром, а сюжет произведения служит своего рода предлогом для выражения вполне определенных и сформировавшихся идей автора. Само написание художественного текста становится облачением идеи в сюжет.

А. Барбюс возрождает традицию Просвещения в своей литературе, но с некоторыми отличиями: в идеологически противоречивую эпоху ему сложно найти союзников, которые понимали и соглашались бы на его творческие решения. Трилогия, вышедшая без специальной подготовки ангажированной аудитории, сбивала с толку прямую и несгибаемую линию движения коммунистической партии. Реципиент литературы того времени — это не элитарный читатель эпохи Просвещения, а массовый, часто неискушенный, нуждающийся в определенной смысловой подготовке. Другой важный нюанс литературы идей Барбюса состоит в том, что, несмотря на всю сложность интерпретации, за религиозным сюжетом, социальной и философской составляющими кроется весьма недвусмысленный призыв к действию. Барбюс прямо объясняет, «кто виноват» и «что делать», не оставляя читателю возможной иллюзии, что он сам приходит к «прозрению».

Если обратиться к трилогии Барбюса с мифопоэтической позиции, то главная тема — противопоставление пророка и тех, кто превращает его учение в догму, — это вечная тема. Настаивая на том, что дошедшие до нас евангелия об Иисусе — миф, Барбюс высказывает предположение, что под этим мифом кроется некоторый пророк, который проповедовал и был казнен, что, собственно, и кладется в основу его произведения. Луначарский отмечает, что автор, «желая спасти этого неведомого никому пророка от той клеветы, которую нагромоздила на его голову церковь во всех ее разновидностях, проделал гигантскую работу, чтобы добраться до подлинного Христа, чтобы сказать: он наш» [19]. Считая, что попытка Барбюса докопаться до человека-Иисуса не удалась, нарком задается вопросом, зачем человеку, «такому близкому к нашему делу, члену нашей партии, увлекаться такими третьестепенными, побочными задачами?» [19]. Реакция советского правительства достаточно последовательна: отрицание существования и Иисуса, и Христа — более устойчивая и понятная позиция, чем скользкий путь его оспаривания у религии. Коммунистическая идеология не нуждается в трансформациях религиозных мифов, возможно, осознавая более сложные и глубинные подтексты его посылы.

Стоит вспомнить, что Борхес включает данный миф в эссе «Четыре цикла»: «Последняя история — о самоубийстве бога. Атис во Фригии калечит и убивает себя; Один жертвует собой Одину, самому себе, девять дней висит на дереве, пригвожденный копьем; Христа распинают римские легионеры» [14]. Важно, что Борхес называет этот акт не убийством, а самоубийством. Он утверждает, что этот сюжет будет повторяться вечно. Если представить, что писатель говорит не только о литературном сюжете, выходя за рамки воображаемого, но и обращается к реальному миру, то можно сказать, что во все времена пророк будет приходить к людям с истиной, будет знать о том, что его жертва неизбежна и что смысл ее будет искажен, но, несмотря на это, всякий раз будет добровольно отдавать себя на заклятие. Намереваясь изменить вечный сюжет, вдохнув в него революционный призыв, Барбюс надеется изменить миф, но изменить границы мифа невозможно.

Заключение

Идеи, выраженные Барбюсом, — это пример светского восприятия религиозного мистицизма, попытка привлечь религию в союзники в революционной борьбе. Столь смелые высказывания одного из главных лидеров французского коммунизма неизбежно сеют смуту в рядах молодой коммунистической партии, но и напоминают, что Барбюс был в первую очередь писателем, и лишь во вторую — общественным деятелем. Если в романах «Ясность» и «Звенья» он показывает духовный путь человека от безысходности к спасительной ангажированности, то в произведениях об Иисусе доминируют метафизические вопросы. Это уже не гневное обличение угнетателей и поиск себя, это история о личной ответственности каждого за свою судьбу и за судьбу мира.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Волосков И.В., ЧОУ ВПО Национальный гуманитарный институт социального управления, Москва Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.70.26.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Voloskov I.V., Private Educational National Humanitarian Institute of Social Management, Moscow Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.60797/RULB.2025.70.26.1>

Список литературы / References

- Barbusse H. A propos de Jésus Marxiste / H. Barbusse // L'Humanité. — 1926. — 10164. — 4 p.
- Barbusse H. Jésus / H. Barbusse. — Paris : Flammarion, 1927. — 256 p.
- Barbusse H. Jésus, le prophète de Galilée / H. Barbusse // L'Humanité. — 1927. — № 10286. — 2 p.
- Barbusse H. Jésus marxiste / H. Barbusse // L'Humanité. — 1926. — № 10105. — 4 p.
- Barbusse H. Les Judas de Jésus / H. Barbusse. — Paris : Flammarion, 1927. — 283 p.
- Barbusse H. L'Exploitation de Jésus / H. Barbusse // L'Humanité. — 1927. — № 10305. — 4 p.
- Barbusse H. Mysticisme? / H. Barbusse // L'Humanité. — 1927. — № 10384. — 4 p.
- Bazalgette L. "Jésus" et la vie / L. Bazalgette // L'Humanité. — 1927. — № 102867. — 4 p.
- Camus J. Le Jésus marxiste d'Henri Barbusse : l'impossible métamorphose du christianisme? / J. Camus. — 2015. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/281592838> (date de la requête: 08.08.2025).
- Pinon E. Du Feu à Jésus : Henri Barbusse et le sacré / E. Pinon // Autour du "Feu" d'Henri Barbusse // Revue d'histoire littéraire de la France. — Paris : PUF, 2015/4. — Vol. 115. — P. 855–868.
- Relinger J. Henri Barbusse. Écrivain combattant / J. Relinger. — Paris : PUF, 1994. — 290 p.
- Барбюс А. Иисус против Христа / А. Барбюс; пер. с фр. В.В. Фролова; ред. К. Эрберг; предисл. М. Рейснер. — Москва, Ленинград : Государственное издательство, 1928. — 296 с.
- Барбюс А. Огонь. Ясность: Романы / Пер. с фр. Н.Я. Яковлевой / А. Барбюс — Москва : Художественная литература, 1980. — 540 с.
- Борхес Х.Л. Четыре цикла / Х.Л. Борхес; пер. с исп. В. Кулагина-Ярцева. — URL: <http://www.serann.ru/text/chetyre-tsikla-9220> (дата обращения: 15.08.2025).
- Ленин В.И. Три источника и три составных части марксизма / В.И. Ленин // Полное собрание сочинений: в 55 т. — Москва : Государственное издательство политической литературы, 1973. — Т. 23. — 1913. — С. 40–48.
- Луначарский А.В. Анри Барбюс / А.В. Луначарский // Красная газета. — 1933. — № 110–111.
- Маркс К. К критике гегелевской философии права / К. Маркс. — URL: http://krotov.info/library/13_m/ar/ks_01.htm (дата обращения: 07.08.2025).
- Мейерхольд В.Э. О театре / В.Э. Мейерхольд. — Санкт-Петербург : Просвещение, 1913. — 208 с.
- Наследие А.В. Луначарского. Стенограмма диспута А. В. Луначарского с митрополитом Ал. Введенским, 3 октября 1927 г. — URL: lunacharsky.newgod.ru/lib/ob-ateizme-i-religii/lichnost-hrista-v-sovremennoj-nauke-i-literature-ob-iisuse-anri-barbusa/?ysclid=mefys7g3dl11649461 (дата обращения: 07.08.2025).
- Новый Завет: Евангелие от Матфея. — URL: <https://www.patriarchia.ru/bible/mf/> (дата обращения: 10.08.2025).
- Строев А.Ф. Политический мессианизм Анри Барбюса: мистерия «Иисус против Бога» и сценарий фильма о Сталине / А.Ф. Строев // Барбюс А. Иисус против Бога. Творцы. — Москва : Литфакт, 2019. — С. 6–62.
- Утопический социализм: Хрестоматия / общ. ред. А.И. Володина. — Москва : Политиздат, 1982. — 512 с.

Список литературы на английском языке / References in English

1. Barbusse H. A propos de Jésus Marxiste [The Story Of Jesus Marxist] / H. Barbusse // L'Humanité [The Humanity]. — 1926. — 10164. — 4 p. [in French]
2. Barbusse H. Jésus [Jesus] / H. Barbusse. — Paris : Flammarion, 1927. — 256 p. [in French]
3. Barbusse H. Jésus, le prophète de Galilée [Jesus, The prophet Of Galilee] / H. Barbusse // L'Humanité [The Humanity]. — 1927. — № 10286. — 2 p. [in French]
4. Barbusse H. Jésus marxiste [Jesus marxist] / H. Barbusse // L'Humanité [The Humanity]. — 1926. — № 10105. — 4 p. [in French]
5. Barbusse H. Les Judas de Jésus [The Judas of Jesus] / H. Barbusse. — Paris : Flammarion, 1927. — 283 p. [in French]
6. Barbusse H. L'Exploitation de Jésus [The Exploitation of Jesus] / H. Barbusse // L'Humanité [The Humanity]. — 1927. — № 10305. — 4 p. [in French]
7. Barbusse H. Mysticisme? [Mysticism?] / H. Barbusse // L'Humanité [The Humanity]. — 1927. — № 10384. — 4 p. [in French]
8. Bazalgette L. "Jésus" et la vie ["Jesus" and life] / L. Bazalgette // L'Humanité [The Humanity]. — 1927. — № 102867. — 4 p. [in French]
9. Camus J. Le Jésus marxiste d'Henri Barbusse : l'impossible métamorphose du christianisme? [The Marxist Jesus of Henri Barbusse: the impossible metamorphosis of Christianity?] / J. Camus. — 2015. — URL: <https://www.researchgate.net/publication/281592838> (accessed: 08.08.2025). [in French]
10. Pinon E. Du Feu à Jésus : Henri Barbusse et le sacré [From Fire to Jesus: Henri Barbusse and the Sacred] / E. Pinon // Revue d'histoire littéraire de la France [Literary history review of France]. — Paris : PUF, 2015/4. — Vol. 115. — P. 855–868. [in French]
11. Relinger J. Henri Barbusse. Écrivain combattant [Henri Barbusse. Combatant writer] / J. Relinger. — Paris : PUF, 1994. — 290 p. [in French]
12. Barbusse A. Iisus protiv Hrista [Jesus against Christ] / A. Barbusse; translated from French by V.V. Frolov; edited by K. Erberg; foreword by M. Reisner. — Moscow, Leningrad : State Publishing House, 1928. — 296 p. [in Russian]
13. Barbusse A. Ogon'. Yasnost': Romany [Under Fire. Clarity: Novels] / A. Barbusse; translated from French by N.Y. Yakovleva. — Moscow : Hudozhestvennaya literatura, 1980. — 540 p. [in Russian]
14. Borges J.L. Chetyre cikla [Four cycles] / J.L. Borges; translated from Spanish by V. Kulagina-Yartseva. — URL: <http://www.serann.ru/text/chetyre-tsikla-9220> (accessed: 08/15/2025). [in Russian]
15. Lenin V.I. Tri istochnika i tri sostavnyh chasti marksizma [Three sources and three components of Marxism] / V.I. Lenin // Polnoe sobranie sochinenij: v 55 t. [Complete works: in 55 volumes] : State Publishing House of Political Literature, 1973. — Vol. 23. — 1913. — P. 40–48. [in Russian]
16. Lunacharsky A.V. Henri Barbusse / A.V. Lunacharsky // Krasnaya Gazeta. — 1933. — № 110–111. [in Russian]
17. Marx K. K kritike gegelevskoj filosofii prava [Critique of Hegel's Philosophy of Right] / K. Marx. — URL: http://kroto.info/library/13_m/ar/ks_01.htm (accessed: 07.08.2025). [in Russian]
18. Meyerhold V.E. O teatre [On Theater] / V.E. Meyerhold. — Saint Petersburg : Prosveshchenie, 1913. — 208 p. [in Russian]
19. Nasledie A.V. Lunacharskogo. Stenogramma disputa A. V. Lunacharskogo s mitropolitom Al. Vvedenskim, 3 oktyabrya 1927 g. [The Legacy of A.V. Lunacharsky. Transcript of Lunacharsky's Dispute with Metropolitan Vvedensky, October 3, 1927]. — URL: <http://lunacharsky.newgod.ru/lib/ob-ateizme-i-religii/lichnost-hrista-v-sovremennoj-nauke-i-literature-ob-iisuse-anri-barbusa/?ysclid=mefys7g3dl111649461> (accessed: 07.08.2025). [in Russian]
20. Novyj Zavet: Evangelie ot Matfeya [The New Testament: The Gospel of Matthew]. — URL: <https://www.patriarchia.ru/bible/mf/> (accessed: 10.08.2025). [in Russian]
21. Stroevev A.F. Politicheskij messianizm Anri Barbyusa: misteriya "Iisus protiv Boga" i scenarij fil'ma o Staline [Henri Barbusse's Political Messianism: The Mystery of "Jesus against God" and the Scripts for the Film about Stalin] / A.F. Stroevev // Barbyus A. Iisus protiv Boga. Tvorcy [Barbusse, A. Jesus against God. Creators]. — Moscow : Litfakt, 2019. — P. 6–62. [in Russian]
22. Utopicheskij socializm: Hrestomatiya [Utopian Socialism: Anthology] / edited by A.I. Volodin. — Moscow : Politizdat, 1982. — 512 p. [in Russian]